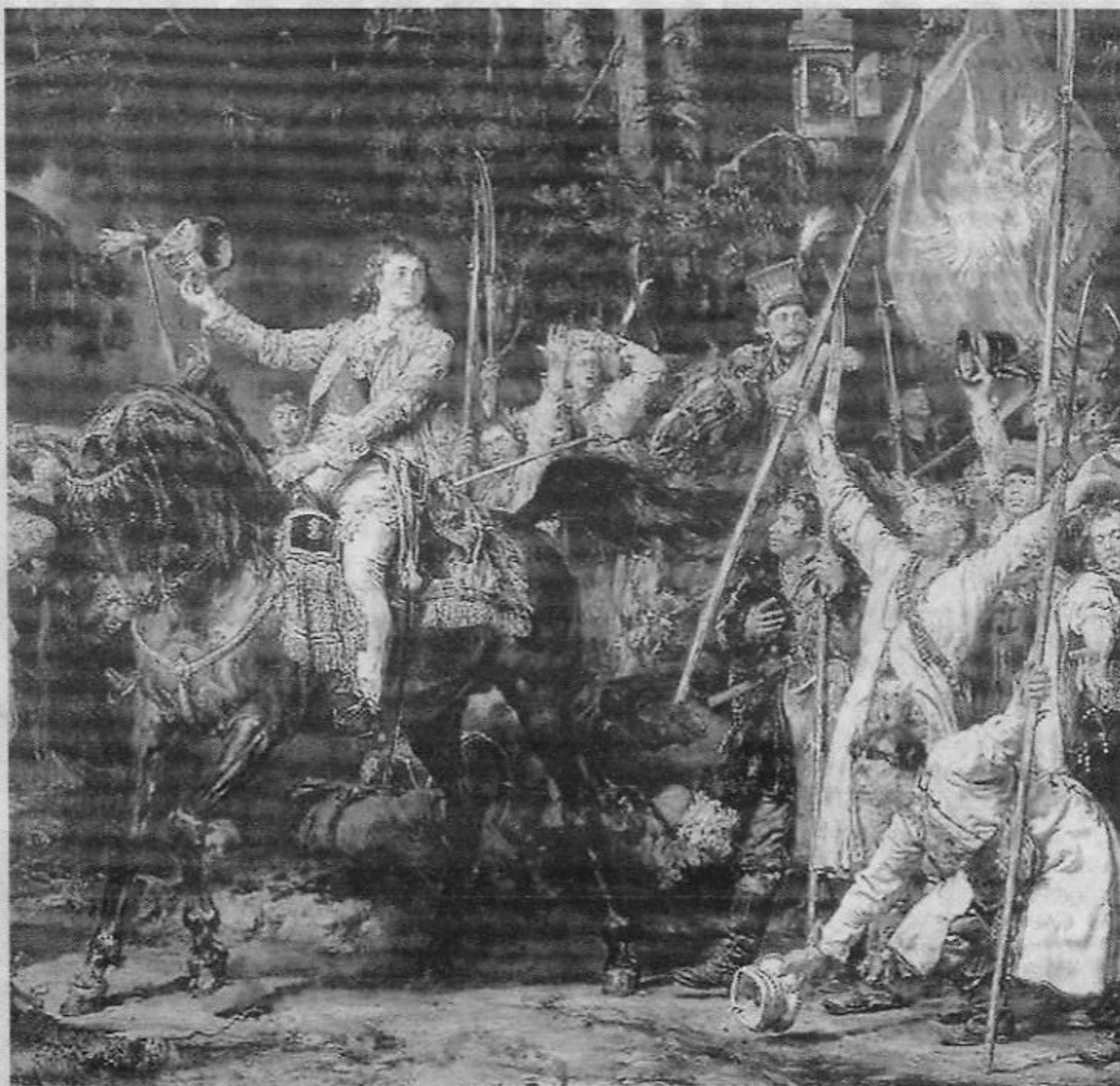

Некоторое время тому назад в Национальную библиотеку Республики Беларусь поступили материалы Международной популярно-научной конференции, посвященной знаменитым полякам, рожденным на Полесье. В одном из выступлений «Выхаванне моладзі на касцюшкаўскіх традыцыях» говорилось: «Беларускі народ ганарыцца тым, што сярод слынных герояў, якія нарадзіліся на беларускай зямлі, пачэснае месца займае імя Тадеуша Касцюшкі, які ўсё жыццё з'яўляўся перакананым патрыётам роднай зямлі... Ён паяднаў палякаў, беларусаў, літоўцаў за вольнасць вашу і нашу».

Вместе с тем идеализация польских героев 1794 года порождает определенное сомнение, вызванное исторической памятью многих поколений белорусов. Ибо нигде и никогда, в том числе и в основных документах восстания «Полонцецком универсале» и «Акте восстания граждан — жителей Краковского воеводства» Т. Костюшко не сказал ни одного слова о независимости белорусского народа. Всю свою яркую жизнь, безусловно заслуживающую уважения потомков, он посвятил воссозданию польского государства в границах 1772 года.

Возглавив восстание против иностранных оккупантов, началом которого стал марш протеста «1-й Великопольской кавалерийской бригады» А. Мадалинского, 24 марта 1794 года в Кракове Т. Костюшко принял присягу на верность польскому народу. Главной силой восстания были регулярные войска Короны Польской и ВКЛ. Они состояли из кавалерии и пехоты, были организационно сведены в корпуса, дивизии, бригады, полки, батальоны. Помощь в их обучении и вооружении явно или тайно оказывали Франция, Англия, Турция и Швеция. Профессиональные военные, составлявшие костяк польско-литовских войск, и вели бои с русской и прусской армиями, привлекая на свою сторону шляхту и рекрутов.

Т. Костюшко был горячим сторонником идей свободы и преданным сыном Польши. Однако события и обстоятельства, предше-

Восстание Тадеуша Костюшко и Беларусь

политики повстанческого движения. Руководствуясь внесенным в «Акт восстания народа Великого княжества Литовского» принципом «Кто не с нами, наш враг...», они впервые ввели в общественную практику понятие «враг народа», широко использовали цензуру, создавали репрессивные органы. При этом руководители восстания, создавая карательные структуры, были уверены, что они несут благо своим людям. В сборниках архивных материалов Е. Анищенко опубликовано постановление о создании Верховного уголовного суда «в Короне и ВКЛ», в котором указывается его предназначение: «Желание дать народу внутренние средства для успешного ускорения счастья и уберечь в счастливую пору его восстания...». Депутации, комиссии публичной безопасности и Уголовного суда всех уровней были призваны «карать изменников Отечества, противных его восстанию...». Следствие и суд проводились в течение 24 часов, приговоры, как правило, были такие — смерть через повешение или посадить на кол. Здесь необходимо указать, что через некоторое время виселицы стали визитной карточкой восстания 1794 года в белорусских городах и местечках, оказавшихся во власти повстанцев. Они получили в документах официальное название «виселицы для врагов народа».

В качестве примера можно привести «Постановление гродненской комиссии о виселицах для врагов народа». Там говорилось: «...на рынке г. Гродно поставлена виселица с надписью на одной стороне — «Смерть изменникам Отечества», а на другой — «Страшись, изменник», признавая в том поставленном орудии смерти честный и добрый способ мышления и милости для своего Отечества». Иллюстрацией данного постановления может служить речь Я. Ясинского перед началом казни Ш. Косаковского — гетмана ВКЛ: «Милостивые государи! Произойдет здесь дело, которое запрещается обсуждать, и будет ли оно нравиться кому из вас или нет, каждый обязан молчать, а кто голос свой подаст, будет неотложно на этой виселице повешен».

ствущие восстанию, не позволили ему опереться на революционный подъем всего населения. Среди них важную роль сыграли выступления польских диссидентов (некатоликов) против ограничений их прав, притеснений и гонений со стороны католической шляхты. Для их защиты в Слущке создается православная конфедерация, а в Торунь — протестантская. В 1768 году польский сейм под военным давлением России отменил законы, направленные против некатоликов. Противники этих решений, организовав Барскую конфедерацию, развязали военные действия, но были разгромлены русской армией, защищавшей диссидентов. И в 1772 году произошел первый раздел Польши между Австрией, Пруссией и Россией.

В 1788 году собрался четырехлетний сейм Речи Посполитой, который 3 мая 1791 года принял буржуазно-демократическую Конституцию. Этим законодательным актом Речь Посполитая, вместо исторически сложившейся федерации Короны и ВКЛ, объявлялась унитарным государством в границах 1772 года. Недовольные изменениями государственного устройства, а также сторонники союза с Россией в мае 1792 года создают Торговицкую конфедерацию. Ее участники, которых поддержала значительная часть белорусской шляхты, запросили помощи у россиян. Регулярная польская армия, защищавшая Конституцию, потерпела поражение и в январе 1793 года произошел второй раздел Польши.

Такова предыстория революционной ситуации 1794 года. Она во многом закономерно определила цель восстания — «свобода, целостность, независимость Речи Посполитой», его задачи — создание унитарного, «неделимого» государства в рамках Конституции 3 мая 1791 года с единым польским народом. Территории народов Речи Посполитой должны были входить в него в качестве польских провинций.

Эти цели, задачи и идеи были чужды и неинтересны даже униатам, не говоря уже о православных Беларуси. Поэтому восстание в ВКЛ, начавшееся 16 апреля 1794 года с выступления в г. Шяуляе 1-й кавалерийской бригады М. Сулистровского, поддержанное в ночь с 22 на 23 апреля военным гарнизоном и местной шляхтой Вильно, объявивших о солидарности с краковскими повстанцами, на нашей земле не носило всебелорусско-

Полковник запаса Евгений Подлесный, кандидат политических наук

го характера. В нем приняли участие около 30.000 белорусов в девяти городах. В реальности восстание представляло собой отдельные шляхетские выступления и мелкие стычки с русскими войсками. Повстанческие территории с административными органами управления создавались в основном после прихода повстанческих войсковых формирований, на землях, не отошедших к России при первом и втором разделах Польши. Попытки выполнить приказ Верховного главнокомандующего национальных вооруженных сил «О начале диверсионных рейдов в глубь оккупированных территорий» от 10 июня успехов не имели, т. к. отряды регулярной армии повстанцев не были поддержаны местным населением.

Столь низкая эффективность действий повстанческих войск объясняется не только неприятием большинством белорусского населения идеологии восставших, но и постоянными конфликтами Т. Костюшко с Варшавской Временной Радой и Наивысшей Национальной Радой, властей Варшавы и Вильно между собой, тем, что руководство литовского восстания погрязло во взаимных разбирательствах и интригах. В результате этого Т. Костюшко так и не утвердил талантливого организатора, якобинского романтика, поэта, смелого и решительного офицера Я. Ясинского главнокомандующим литовскими войсками, его даже не избрали в Центральную Депутацию Великого княжества Литовского. Военные руководители Литвы игнорировали общие планы и действовали в соответствии со своими настроениями, желаниями и интересами. Штаб и тыл главнокомандующего в Литве генерала М. Виельгорского прославился, по словам В. Емельяничика, в его книге «Паланэз для касінераў», «гульнёю ў карты ды іншымі забавамі афіцэраў на фоне галадаючых простых жаўнераў». Полную картину восстания и истинное отношение белорусов к приверженцам Речи Посполитой мы находим в работах белорусских ученых Е. Анищенко, В. Гигина, Я. Трещенка, П. Чигринова и ряда других. Они приводят исторические документы и воспоминания не только российских генералов о большей приверженности белорусских крестьян к россиянам, «нежели к полякам», но и многочисленные признания руководителей восстания различного уров-

ня о трудностях рекрутского набора в ряды польско-литовских войск, нежелании белорусов воевать на их стороне.

Особенно ярким в этом плане является доклад ротмистра И. Гойжевского, руководившего рекрутским набором среди белорусских крестьян: «Люд все еще взбунтован Москвой, не хочет слушаться. Возвращаю его к послушанию Отчизне... Крестьяне бунтуют также в Шамятовщине и Чарлёнах и не желают давать 5-дымовых рекрутов». Здесь необходимо подчеркнуть, что многие польские военачальники, говоря о рекрутах, не скрывали их неблагонадежности и даже бесполезности. Генерал П. Грабовский в письме на имя К. Сераковского выразил свое мнение о белорусских призывниках: «Этакая польза от рекрутов, которых, как ни корми только, а против противника они не нужны». Реакцию Т. Костюшко на такой «героизм» раскрывает белорусский публицист Я. Алексейчик в статье «Пора расставлять точки над «і». Основываясь на работе польского историка П. Ясеница «Речь Посполитая обоих народов. Картины агонии», он рассказывает, что во время поездки в Беларусь в качестве руководителя восстания Т. Костюшко, инспектируя корпус Сераковского в районе Бреста, отдал распоряжение выделить специальные подразделения, задачей которых было бы открытие огня по тем, кто убегает с поля боя. Он исходил из имеющегося опыта, когда решающий удар по колонне русского генерала Тормосова в знаменитой битве под Рацлавицами нанесли польские «касинеры», подгоняемые «четырьмя ротами регулярной пехоты».

Приказ Т. Костюшко о выделении, по сути, заградотрядов вполне вписывался в общую систему комплектования повстанческой армии. К примеру, шляхтич Ю. Мацулевич, будучи свидетелем происшедшего, в своих показаниях на следствии в Смоленске достаточно подробно изложил способы призыва «белорусских добровольцев»: «польские жолнеры приказывали им, шляхте, чтоб они шли к ним в службу... кто в службу к ним не пойдет, то будет повешен...». И таких свидетельств было сотни.

Данные примеры являются наглядной демонстрацией силовых предпочтений руководителей инсургентов, возведения террора против «несогласных» в ранг определяющей

Во всех этих словах и действиях в полном объеме заключается идеология и практика польского восстания на белорусских землях. Они дают убедительное и всеобъемлющее понимание того, что принесла бы победа Т. Костюшко и его соратников.

Таким образом, говорить о восстании под предводительством Т. Костюшко как о национально значимом явлении для белорусов будет, наверное, не совсем правильно. Ибо польские патриоты, бросив вызов трем могущественным империям, самоотверженно пытались остановить процесс распада Речи Посполитой и воссоздать Великую державу, в которой суверенитет белорусской нации не предусматривался. Данные обстоятельства требуют выработки объективного отношения к мужественной борьбе соседнего народа за единство и величие своей страны с позиций суверенной, независимой Республики Беларусь. Надо сказать, что во всем этом присутствует также четко выраженный политический аспект. Если мы по-прежнему будем противоречить историческим фактам и трактовать восстание поляков за целостность их государства как борьбу белорусов за свою «Айчыну», мы автоматически создадим прецедент признания мировым сообществом современной Польской Республики в границах Речи Посполитой, закрепленной Конституцией от 3 мая 1791 года и законом от 20 октября того же года. Фактически наша родная Республика Беларусь в этом случае добровольно признает:

а) нелегитимность существования самой Беларуси как суверенного государства;

б) право присоединения бывших белорусских земель Речи Посполитой в качестве польской провинции.

И здесь нам хотелось бы найти поддержку и понимание у своих польских соседей деятельности суверенной Беларуси по воссозданию собственной истории и обеспечению гуманитарной безопасности своего государства. Настала пора признать белорусский народ самостоятельным субъектом социально-политических процессов всех государственных образований, где он составлял часть народонаселения в ходе исторического развития, а его историю рассматривать с точки зрения независимой Беларуси. В этом заинтересованы и мы, белорусы, и наши истинные друзья.